

В. Г. Белинский

**Сочинения Александра
Пушкина. Статья
десятая**

Виссарион Григорьевич Белинский

Сочинения Александра Пушкина. Статья десятая

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2819415

Аннотация

Десятая статья посвящена «Борису Годунову». «...Прежде всего скажем, что «Борис Годунов» Пушкина – совсем не драма, а разве эпическая поэма в разговорной форме. Действующие лица, вообще слабо очеркнутые, только говорят и местами говорят превосходно; но они не живут, не действуют. Слышите слова, часто исполненные высокой поэзии, но не видите ни страстей, ни борьбы, ни действий. Это один из первых и главных недостатков драмы Пушкина; но этот недостаток не вина поэта: его причина – в русской истории, из которой поэт заимствовал содержание своей драмы. Русская история до Петра Великого тем и отличается от истории западноевропейских государств, что в ней преобладает чисто эпический ... характер, тогда как в тех преобладает характер чисто драматический...»

Содержание

«Борис Годунов»	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Виссарион Белинский

Сочинения Александра Пушкина. Статья десятая

Санкт-Петербург. Одиннадцать томов 1838–1841 г.

«Борис Годунов»

Совершенно новая эпоха художественной деятельности Пушкина началась «Полтавою» и «Борисом Годуновым». Хотя первая вышла в 1829 году, а последний – в 1831 году, тем не менее их должно считать почти современными друг другу произведениями, потому что «Борис Годунов» написан был гораздо раньше 1831 года, и знаменитая сцена между Пименом и Самозванцем была напечатана в «Московском вестнике» 1828 года, небольшая сцена между Курбским и Самозванцем – в «Северных цветах» на 1828 год, вышедших в 1827 году. «Полтава» со стороны художественности относится к «Борису Годунову», как *стремление* относится к *достижению*.^[1] Публика приняла «Полтаву» холоднее, неже-

^[1] «Борис Годунов» был окончен 7 ноября 1825 года, а «Полтава» 16 октября 1828 года, следовательно, последняя не может относиться к трагедии, как «стремление относится к достижению». Кроме того, маленькая неточность:

ли прежние поэмы Пушкина; «Борис Годунов» был принят совершенно холодно, как доказательство совершенного падения таланта, еще недавно столь великого, так много сделавшего и еще так много обещавшего.^[2] Как тогда, так и теперь у «Бориса Годунова» были жаркие поклонники; но, как тогда, так и теперь число этих поклонников было очень малочисленно, а число порицателей – огромно. Которые из них правы, которые виноваты? Те и Другие равно правы и равно виноваты, потому что, действительно, ни в одном из прежних своих произведений не достигал Пушкин до такой художественной высоты, и ни в одном не обнаружил таких огромных недостатков, как в «Борисе Годунове». Эта пьеса была для него истинно ватерлооскою битвою, в которой он развернул, во всей широте и глубине, свой гений и, несмотря на то, все-таки потерпел решительное поражение.

Прежде всего скажем, что «Борис Годунов» Пушкина – совсем не драма, а разве эпическая поэма в разговорной форме. Действующие лица, вообще слабо очеркнутые, только говорят и местами говорят превосходно; но они не живут, не действуют. Слышите слова, часто исполненные высокой

«Сцена из трагедии «Борис Годунов». 1603 год. Ночь. Келья в Чудове монастыре. Отец Пимен, Григорий спящий.» была напечатана в «Московском вестнике» не в 1828 году, а в 1827 году, в № 1, стр. 2–10).

[2] Особенно резок был отзыв Булгарина в «Северной пчеле» (1830, № 35): «Ни одной мысли в этой водянистой VII главе, ни одного чувствования, ни одной картины достойной воззрения! Совершенное падение, chute complete!» Издатель «Северного Меркурия» писал о «Борисе Годунове», вышедшем в декабре 1830 года: «Убогая обнова, увы! на новый год!» (1831, № 1, стр. 8).

поэзии, но не видите ни страстей, ни борьбы, ни действий. Это один из первых и главных недостатков драмы Пушкина; но этот недостаток не вина поэта: его причина – в русской истории, из которой поэт заимствовал содержание своей драмы. Русская история до Петра Великого тем и отличается от истории западноевропейских государств, что в ней преобладает чисто эпический, или, скорее, *квизетический* характер, тогда как в тех преобладает характер чисто драматический. До Петра Великого в России развивалось начало семейственное и родовое; но не было и признаков развития личного: а может ли существовать драма без сильного развития индивидуальностей и личностей? Что составляет содержание шекспировских драматических хроник? Борьба личностей, которые стремятся к власти и оспаривают ее друг у друга. Это бывало и у нас: весь удельный период есть не что иное, как ожесточенная борьба за великокняжеский и за удельные престолы; в период Московского царства мы видим сряду трех претендентов такого рода, но все-таки не видим никакого драматического движения. В период уделов один князь свергал другого и овладевал его уделом, потом, побежденный им, снова уступал ему его владение, потом опять захватывал его; но в уделе от этого ровно ничего не изменялось: переменялись лица, а ход и сущность дел оставались те же, потому что ни одно новое лицо не приносило с собою никакой новой идеи, никакого нового принципа. Отсюда объясняется, почему народонаселение того или другого княже-

ства, того или другого города с одинаковою ревностью билось и за старого князя против нового, и за нового против старого. И одному богу известно, чем бы кончилась для Руси эта *усобица*, если бы так кстати не подоспели татары. С одной стороны, их жестокое и позорное иго губительно действовало на нравственную сторону русского племени, а с другой – было для него благотельно, потому что чувством общей опасности и общего страдания связало разъединенные русские княжества и способствовало развитию государственной централизации через преобладание московского княжения над всеми другими. Единство более внешнее, нежели внутреннее, но тем не менее все же оно спасло Россию! Иоанн III, которого не без основания некоторые историки называют великим, был творцом неподвижной крепости Московского царства, положив в его основу идею восточного абсолютизма, столь благотельного для абстрактного единства созданной им новой державы. И этот великий, невидимому, переворот совершился тихо и мирно, без всяких потрясений.^{3} Иоанн III обнаружил в этом деле гениальную односторонность, переходившую почти в ограниченность, твердую волю, силу характера; он постоянно стремился к одной цели, действовал неослабно, но не боролся, потому что не встретил никакого действительного и энергического сопро-

^{3} Мысли Белинского по этому вопросу совпадали с мыслями Пушкина. См. «О русской литературе с очерком французской» (1834), наброски статьи о третьей части «Истории русского народа» Н. Полевого.

тивления. Дело обошлось без борьбы, и, таким образом, одно из самых драматических событий древней русской истории совершилось без всякого драматизма. Драматизм, как поэтический элемент жизни, заключается в столкновении и сшибке (коллизии) противоположно и враждебно направленных друг против друга идей, которые проявляются как страсть, как пафос. Идея самодержавного единства Московского царства, в лице Иоанна III торжествующая над умирающею удельною системою, встретила в своем безусловно победоносном шествии не противников сильных и ожесточенных, на все готовых, а разве несколько бессильных и жалких жертв. Роды удельных князей, потомков Рюрика, скоро выродились в простую боярщину, которая перед престолом была покорна наравне с народом, но которая стала между престолом и народом не как посредник, а как непроницаемая ограда, разделившая царя с народом. Разрядные книги служат неоспоримым доказательством, что в древней России *личность* никогда и ничего не значила, но все значил *род*, и торжество боярина было торжеством целого рода боярского. Таким образом, удельная борьба княжеских родов переродилась в дворскую борьбу боярских родов. Но эта борьба не представляет никакого содержания для драматического поэта, потому что при дворе московском один род торжествовал над другим в милости царской, но ни один из торжествующих родов не вносил ни в думу, ни в администрацию никакой новой идеи, никакого нового принципа, никакого но-

вого элемента. Новый любимец везде гнал своих прежних противников и их родичей, постригал их насильно в монахи, сажал в тюрьмы, рассылал по дальним городам, то в позорную неволю, то в почетную опалу. И таким образом боролись и менялись лица, а не идеи. Подобная борьба и подобные смены могли много значить для боярских родов, для дворской интриги и крамолы, но для государства они ровно ничего не значили; историческая же драма может брать содержание только, из государственной жизни. Царствование Грозного, невидимому, больше всего представляет материалов для драмы, как зрелище нещадной войны, объявленной абсолютизмом боярской крамоле; но это только так может казаться и едва ли так было на самом деле, ибо мы не видим, чтоб Грозный чем-нибудь думал заменить гонимый им принцип боярщины. Словом, видно ожесточение к боярским родам, но нет в то же время никакого особенного внимания к народу; тут заметно, следовательно, личное чувство, а не идея, не принцип, не убеждение. Стало быть, и тут нет ничего для драмы... Но вот является Годунов, и, чем бы ни достиг он престола – злодейством ли, как в этом уверен Карамзин, или только смелым и гибким умом., без преступления, – во всяком случае он также не внес в русскую жизнь никакого нового элемента, и его возвышение, равно как и его падение, ничего не значили для будущих судеб русского народа; без Годунова все пошло бы так же точно, как и с Годуновым, У самозванца были разные политические замыслы, которые

могли бы изменить ход нашей истории; но эти замыслы были не что иное, как удалые мечты человека решительного, пылкого, умного, но, что называется, без царя в голове, а потому они и кончились так, как следовало кончиться мечтам. Шуйский хотел из боярщины образовать аристократию; но как это желание было плодом не мысли, а трусости и низости, — оно и кончилось бедою для Шуйского и ровно ничем не кончилось для государства... Итак, вот сряду три лица, которые уже по необыкновенности употребленных ими способов для достижения верховной власти должны были бы внести в государственную жизнь новые основания и которые ровно ничего не внесли в нее и прошли в истории без следа, как будто бы их и не было... Не так бывало в государствах Западной Европы. Для англичан, например, было великим событием царствование Иоанна Безземельного — этого слабого и ничтожного брата Ричарда-Львиного-Сердца, овладевшего властью в отсутствие героя, который гонялся в Палестине за бесполезными лаврами. Во Франции, например, очень важно было решение вопроса: кто будет управлять Людовиком XIII — его мать, Катерина Медичи, или кардинал Ришелье. Таких примеров можно было бы найти множество, но для пояснения нашей мысли довольно и этих двух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания